

КАК И.В. СТАЛИН ВЫДЕЛИЛ МОСКВУ ИЗ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. 1931 год

Литература об управлении столицей после революции довольно обширна¹. При этом, как это ни парадоксально, до сих пор до конца не ясен порядок принятия решения о выделении Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу в составе Московской обл. и персональный вклад в это высших партийных и государственных деятелей того периода, и прежде всего членов Политбюро ЦК ВКП(б) И.В. Сталина и Л.М. Кагановича.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. необходимость реорганизации административно-территориальной системы, прежде всего в отношении Москвы, назрела особенно остро. В 1920-е гг. специалисты разработали план районирования, согласно которому предусматривалось создание Центрально-промышленной обл., объединяющей 10 губерний центральной России, в том числе и такие, как Иваново-Вознесенская, Нижегородская. В случае принятия этого проекта к исполнению Московская обл. переставала бы существовать как самостоятельное образование. Как считает С.В. Цакунов, сложность возникавших при этом экономических и политических проблем не позволила реализовать эту концепцию в полной мере². 14 января 1929 г. ВЦИК принял решение об образовании Центрально-промышленной обл. как единого административного образования, включавшего, помимо Московской, Тверскую, Тульскую и Рязанскую губернии³. В результате область стала мощнее с точки зрения экономики, материальных и трудовых ресурсов, населения в целом. Согласно новому территориальному делению, на начало 1930-х гг. в ней жили более 10 млн. человек⁴.

Практически сразу встал вопрос о переименовании вновь образованной области. 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК утвердил Оргкомитет по организации Московской промышленной обл. под председательством К.В. Уханова⁵, а 3 июня ВЦИК официально переименовал область в Московскую⁶. 13 июня Оргкомитет принял постановление «О порядке управления Москвой», которым утвердил структуру административных органов Москвы и области: единые областные Президиум и исполком. Как установил Н.М. Алещенко, их формирование составляло весьма сложную процедуру и происходило следующим образом. На пленуме Московского областного Совета избирался исполком, на заседании которого избирался Президиум. На пленуме Московского Совета (депутатов-москвичей) избирался его Президиум в составе 25 человек, который входил в состав Президиума Московского облисполкома. Президиум же облисполкома для подтверждения того, что он является и Президиумом Моссовета, утверждался на пленуме Моссовета, после чего на пленуме исполкома утверждался единый Президиум для Москвы и области. В сентябре 1929 г. состоялся I Московский областной съезд Советов, избравший исполком в составе 225 членов и 75 кандидатов, а затем на пленуме исполкома был избран Президиум в составе 51 члена (в том числе 25 от Москвы) и 17 кандидатов. Председателем исполкома и его Президиума стал Уханов. Были образованы отделы и избраны их заведующие⁷. При этом непосредственное руководство всеми отраслями хозяйственной и культурной жизни Москвы в основном было возложено на подотделы областных отделов исполкома, райсоветы и их отделы. В результате руководство хозяйственной деятельностью Москвы ослабло, тем более что неравномерность развития городского хозяйства в различных районах Москвы вела к серьезной перегрузке одних районов и недогрузке других. Стало совершенно очевидно, что без

* Войтиков Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Главного архивного управления г. Москвы.

Статья подготовлена в рамках серии «Московская власть» Главного архивного управления г. Москвы.

реорганизации системы управления хозяйством столицы решение стоявших перед ее руководством задач будет невозможно⁸.

Цели районирования изложил позднее, 23 февраля 1931 г., Каганович. По его заявлению, «во всей своей работе по строительству органов советской власти партия и правительство... руководствовались основной задачей успешного развития социалистического строительства как в городе, так и в деревне, укрепления союза рабочего класса с крестьянством и вовлечения в управление государством широких масс трудящихся. Разрешение крупнейших задач реконструктивного периода... требует дальнейшего улучшения и перестройки работы всех советских и хозяйственных организаций сверху донизу, осуществления конкретного практического руководства всеми сторонами хозяйства Московской области, начиная от маленькой деревни, колхоза и кончая крупнейшей фабрикой и заводом. Советы и исполкомы, хозяйственные органы должны так поставить свою работу, чтобы вопросы не только каждой хозяйственной организации, не только каждой деревни, но и нужды каждого рабочего и крестьянина, его запросы и предложения рассматривались и своевременно разрешались. Именно в этих целях партия и правительство провели районирование страны и Московской области в частности, а затем и ликвидацию округов и установление непосредственной связи областного центра с сельскими районами»⁹.

Практика показала неэффективность управления гигантом. Как местные государственные учреждения, так и партийные руководящие органы не справлялись с объемом работы. Каганович прямо признал: «Московское хозяйство настолько выросло, что следить, руководить одному [Мос]облисполкому и городами, и деревней, и районами очень тяжело. Дело не только в том, что у нас в некоторых отделах работники были плохие. В нашем Облисполкоме были недостатки в работе, но помимо недостатков в самой работе есть много недостатков и по части самой организации – слишком велико хозяйство. Ведь у нас 145 районов. У каждого района бюджет, огромное количество сельсоветов, промышленности – все это надо охватить, а тут еще город с большим городским хозяйством»¹⁰. Еще 20 июля 1930 г. на пленуме Московского комитета обсуждался вопрос «О плане работ МК». «В связи с ликвидацией округов мы должны провести огромную напряженную работу, – заявил тогда Лазарь Моисеевич. – Если мы не предусмотрим укрепление областного аппарата, в частности Московского комитета, если мы не предусмотрим укрепления районов работниками, у нас не окажется рычагов на месте. Вот почему Бюро МК постановили создать специальную комиссию, чтобы просмотреть аппарат МК, посмотреть, как он построен, как идет работа, сколько в нем бюрократизма и как нужно этот бюрократизм устранить. В теперешних условиях, когда мы будем более непосредственно связаны с местами, малейшая задержка в аппарате МК принесет неисчислимые бедствия. То же самое относительно и работы аппарата Московского областного исполкома и Профсовета. Вот почему мы выделили комиссию, которая должна просмотреть аппарат Московского комитета, выяснить, что нужно перестроить, применительно к ликвидации округов. Эта комиссия должна посмотреть, в частности, насколько люди, работающие в аппарате, приспособлены к новым сложным задачам, которые поставлены, привлечь новых людей с опытом снизу, а из области послать людей вниз. Это будет очень полезно... В ближайший период мы должны также продумать и поставить на бюро вопрос о разукрупнении районов Москвы. Мы не предпрещаем этого вопроса, мы его только ставим, необязательно, чтобы в Москве существовало именно 6 районов, а не 10, допустим, районов. Может быть, они будут ближе к предприятиям, ближе к рабочим, ближе к производству. Если район имеет 40–50 тыс. членов партии, куда входит и текстильная промышленность, и кожевенная и т.д., конечно, работа сильно затрудняется. Не будет ли правильно, чтобы район имел 20–25 тыс. членов партии, тем более что мы стоим перед перспективами дальнейшего роста. Нам нужно добиться такого положения, чтобы райкомы знали каждую ячейку, каждый завод. Повторяю, мы не предпрещаем этого вопроса, мы его только ставим»¹¹.

Таким образом, первоначально решение проблемы виделось в дальнейшем разукрупнении районов. В августе 1930 г. МК ВКП(б) принял постановление о раз-

укрупнении районов Москвы, положив в основу организации района производственную специализацию, т.е. сделав попытку равномерно распределить промышленные и коммунальные предприятия между районами¹². Постановлением пленума Моссовета от 13 декабря 1930 г. городскую территорию разбили на 10 районов (Сталинский, Пролетарский, Москворецкий, Ленинский, Фрунзенский, Краснопресненский, Октябрьский, Дзержинский, Сокольнический и Бауманский), существенно расширив при этом компетенцию районных советов, что вело к «сближению органов партийного и советского руководства с трудящимися»¹³. Кроме того, реорганизовали и громоздкую систему управления московским коммунальным хозяйством, создав ряд специализированных трестов, находившихся в непосредственном подчинении Президиума Моссовета (Трамвайного, Мосавтотранса, Гордоротдела, очистки города, водоснабжения и канализации и др.)¹⁴.

Однако уже в феврале 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о выделении Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу. Авторство идеи до сих пор в точности не установлено. Как это зачастую бывает, помешали мемуарные свидетельства. Каганович так писал в своих воспоминаниях об Июньском пленуме ЦК 1931 г.: «С 1931 по 1935 год население Москвы выросло почти на 1 миллион, опережая рост городского хозяйства. В 1930–1931 годах городское хозяйство Москвы стало самым узким местом, затрудняя в дальнейшем развитие промышленности, удовлетворение нужд городского населения в водоснабжении, канализации, транспорте, электроснабжении, отоплении и особенно в обеспечении жильем, школами, больницами... Рабочие роптали. Вопрос о положении дел в городском хозяйстве Москвы обсуждался не только в Московском комитете, но и в Политбюро ЦК. Помню выступление тов. Сталина на Политбюро. Необходимо, сказал он, развернуть вопрос широко и взяться за коренную реконструкцию Москвы и вместе с ней – всех крупных городов СССР. Политбюро создало комиссию, в которую вошли члены Политбюро, в том числе и Сталин. Председателем комиссии был избран Каганович Л.М., и его же назначили докладчиком на Июньском пленуме ЦК, на котором был поставлен вопрос о московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР»¹⁵. Этот фрагмент воспоминаний Лазаря Моисеевича и не позволяет исследователям выявить базовый документ Политбюро ЦК ВКП(б). Большинство историков, посвятивших организации управления Москвой специальные исследования, вполне удовлетворилось многочисленными высказываниями Кагановича в его речах и воспоминаниях и просто писали о решении Политбюро ЦК ВКП(б) как о вполне доказанном факте. В.Е. Полетаев писал об Июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г.: «В связи с трудностями в развитии городского хозяйства столицы еще в конце 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклад МК партии о состоянии московского коммунального хозяйства. Политбюро создало комиссию для разработки проекта улучшения и развития городского хозяйства города. Вместе с тем Политбюро постановило в начале 1931 г. выделить Москву в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу, разукрупнить районы, так как прежнее деление городской территории, принятое еще в 1921 г., устарело. Слишком велики были шесть прежних районов. Так, в 1930 г. только в одном из них – Краснопресненском, проживало 700 тыс. чел.»¹⁶. Между тем решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выделении Москвы не содержит ни единого слова о разукрупнении районов. Ясность в этот вопрос не внес и Алещенко, что было связано с особенностями источниковой базы его монографии о Московском Совете (в советский период документы Политбюро ЦК ВКП(б) находились на закрытом хранении). «Недостатки в работе столичного городского хозяйства стали известны и ЦК ВКП(б), – отмечал он. – В конце 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило специальной комиссии, в состав которой вошли и представители МК и Моссовета, разработать проект развития городского хозяйства Москвы. В январе 1931 г. состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выделении Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу в составе Московской области. Это позволяло партийным и советским органам Москвы сосредоточить внимание не только на улучшении и развитии городского хозяйства, но

и на коренной перестройке всей жизни страны, на поднятии активности участия в ней трудящихся, и за сравнительно короткое время сделать Москву красивым и удобным для труда и отдыха городом»¹⁷. С тех пор слияние двух решений о выделении Москвы и о развитии городского хозяйства столицы четко прослеживается в советской историографии и в ряде работ современных историков. Так, Цакунов в статье «Отношения центр-область в советской административной системе 30-х годов» почти дословно цитирует тезис Полетаева: «В конце 1930 г. Политбюро заслушало доклад МК партии о состоянии московского городского хозяйства. Была образована специальная комиссия для разработки проекта развития городского хозяйства. Исходя из новых задач, вставших перед Москвой и ее городским хозяйством, Политбюро постановило в начале 1931 года выделить Москву в самостоятельную административную и хозяйственную единицу и создать в ней отдельную городскую партийную организацию. В ходе этого преобразования Москва как новая территориальная единица получила для своего будущего развития также и часть территории Московской области»¹⁸.

Однако найти соответствующее решение Политбюро историкам не удавалось. Сборник повесток заседаний Политбюро оказался бессилем что-либо прояснить. В результате, некоторые исследователи вообще усомнились в существовании соответствующего решения высшей партийной инстанции. Так или иначе, но неожиданную подсказку дало одно из выступлений 1-го секретаря МК ВКП(б). Каганович вспоминал на заседании IV областной и III городской партийной конференции Москвы и Московской обл. 17 января 1934 г.: «Я возьму такой вопрос, как городское хозяйство. История вопроса такова, из чего началось дело. В ЦК поступила жалоба, что в Москве начинают выкручивать лампочки в уборных (это было два с половиной года тому назад), что в коридорах темно, что кругом грязь, что на улице грязно, пыльно, что городское [хозяйство] Москвы, которое должно быть образцовым, работает безобразно, плохо. Тов. Сталин поставил на Политбюро скромный вопрос (да-да, был еще вопрос, что топлива не было): он поставил тогда вопрос об отоплении и освещении в Москве. Он взял эти два конкретных факта и на основании этих двух фактов он развернул всю программу в целом. Комиссия работала в течение двух месяцев, мы развернули все вопросы городского хозяйства Москвы. Этот вопрос был поставлен на июльском пленуме МК (так в тексте, в действительности первоначально на Июньском пленуме ЦК. – С.В.). Я робко ставил вопрос: “А вот так, вот так можно ли?” Тов. Сталин говорил: “Расширяй рамки, не ограничивайся узким [вопросом]. Поставлен вопрос об освещении и отоплении, а ты развивай дальше, напиши в постановлении и о хороших мостовых, напиши в постановлении, сколько жилищ, напиши в постановлении об общем развитии теплофикации (он особенно упирал на теплофикацию Москвы, на невозможность отапливать Москву средневековым способом – дровами), расширяй рамки постановления, вставляй Метро, вставляй Москва-Водоканал для того, чтобы Москва стала действительно образцовой столицей образцового Советского социалистического государства”... А от Москвы мы расширили рамки постановления до всех городов СССР»¹⁹.

В принятом 20 февраля 1931 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) постановлении «О топливе и свете в Москве» предписывалось: «а) Предложить Бюро МК и Президиуму Мособлисполкома в полуторамесячный срок представить в Политбюро свои предложения относительно улучшения хозяйства Москвы в целом; б) Признать необходимым выделение Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с собственным бюджетом и провести соответствующее решение через Московский Совет и Московский областной съезд Советов»²⁰. В протокол (№ 27, пункт 34/50рс, докладчик – Сталин) позднее вписаны принявшие участие в обсуждении члены Политбюро Каганович, К.Е. Ворошилов и В.М. Молотов, председатель Московского областного исполкома Уханов, члены Московского областного комитета ВКП(б) К.В. Рындин, И.П. Носов и Г.Н. Каминский, председатель Московской контрольной комиссии ВКП(б) Я.Х. Петерс.

В докладе на I Московской городской партийной конференции 25 февраля 1931 г. о выделении Москвы в самостоятельную партийную единицу, перестройке работы и

конкретном руководстве Каганович очень подробно рассказал о ходе принятия решения Политбюро: «т. Сталин на Политбюро ЦК, когда слушался наш доклад об отоплении и освещении, скорее не доклад, а объяснение по случаю того, что неважно обстоит дело с топливом и освещением, т. Сталин сказал, что московское хозяйство может сравниться по своей сложности и грандиозности разве только с таким наркоматом, как ВСНХ, другие уступают, настолько оно сложно и велико. Мы с вами в Москве имеем крупнейшие заводы, имеем крупнейшие строительства, начиная с АМО, где реконструкция идет, а по сути дела строится новый завод; Шарикоподшипник, Инструментальный, ряд химических и других заводов, которые строятся, мы имеем сложное городское хозяйство, которое, к сожалению, находится в довольно неважном состоянии. Я не буду здесь повторять того, что сказано и в резолюции МК по докладу МКХ (Московское коммунальное хозяйство. – *С.В.*). Мы МКХ расформировали, создали ряд самостоятельных трестов, но это нас пока не спасает. Мы должны улучшить состояние хозяйства, начиная с трамваев и кончая водопроводом, канализацией, жилищным строительством. Мы должны поставить перед собой проблему движения в Москве, проблему метрополитена, мы должны поставить вопрос о воде для Москвы, крупнейшую, важнейшую проблему. Москва растет очень быстро. Мы должны эти вопросы конкретно разрешить, не ограничиваясь общей резолюцией. Миллионы у нас летят, но без конкретного наблюдения и руководства. Почему это происходит? Я должен вам сообщить, что на заседании Политбюро ЦК, куда нас вызвали для заслушивания вопроса об отоплении и освещении, там развернулись прения вообще о состоянии московского городского хозяйства, там развернулись прения и о работе московских советских и хозяйственных организаций. Прения шли в духе общих прений, которые бывали за последнее время у нас на МК. Примерно в духе той оценки, какую мы дали в резолюции по докладу МКХ, но помимо всего этого, помимо доклада, который там был поставлен о нашей работе, Политбюро ЦК поставило вопрос о том, что, видимо, есть недостатки в самой системе построения наших руководящих органов. Трудно охватить город и область. Трудно объединить руководство. На нас давит Москва. Каждый день. В результате получается так, что мы не можем в должной мере по линии советской и хозяйственной, в первую голову, а также по линии партийной, мы не можем в равной мере обслужить и город Москву, и область»²¹.

В самом решении Политбюро был четко прописан механизм проведения его в жизнь. Все было исполнено в течение декады. «Вначале было предположение затянуть это дело, – признавался Каганович, – [но] потом (после некоторого обмена мнений и в ЦК и в [Политическом] бюро), мы пришли к выводу – весна на носу, весенний сев, строительный сезон, если мы оттянем, то у нас хозяйство не улучшится, а ухудшится. Чем скорей, тем лучше. Надо делать быстро, раз все принципиально согласны. Если бы были сомнения, тогда дело другое, тогда можно бы подождать, но раз сомнений нет, то ясно, что раз все принципиально согласны, а принципиально все согласны будто бы, сколько я ни встречал людей, сколько ни говорил с работниками с мест, с районами, – все приветствуют, потому что это абсолютно правильно, поэтому мы решили в ускоренном порядке созвать городскую конференцию, которая выберет [Московский] городской комитет партии и под руководством городского комитета партии начнет руководить хозяйством, начнет выполнять те директивы, которые имеются»²².

На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) Бюро МК уже 22 февраля утвердило решение Секретариата МК о созыве 23 февраля объединенного пленума II Московского областного съезда Советов и Моссовета «для принятия постановления о выделении Москвы в самостоятельную административную единицу в составе Московской области. Проект постановления объединенного пленума, представленный т. Кагановичем, утвердить. Поручить т. Уханову сделать на объединенном пленуме соответствующее сообщение по этому вопросу, а т. Каганович[у] выступить с речью о значении данного мероприятия для разрешения. Для разработки практических мер, связанных с выделением Москвы в самостоятельную административную единицу, создать комиссию в составе тт. Рындина, Каминского, Кагановича»²³.

Как оказалось, многие партийные работники задались вопросом о том, «можно ли нам тянуть» с проведением решения в жизнь. Сомнения были понятны: решение об экономической самостоятельности ломало уже утвержденный общесоюзный бюджет. «Вначале, – вспоминал Каганович, – думали так: полтора месяца мы протянем, комиссия, значит, будет работать полтора месяца, а потом мы будем это оформлять и [формировать] [Мос]горисполком и т.д. Потом, после некоторого обмена мнений, в частности и в ЦК, были высказаны такие соображения, что собственно говоря – если мы сейчас не предпримем вопрос о выделении городского комитета, если не предпримем вопроса о выделении партийной единицы в том или ином виде, если не сделаем это сейчас и только через полтора м[еся]ца это начнем делать, – у нас вместо улучшения хозяйства к весне [1931 г.] получится ухудшение, потому что деморализация аппарата пойдет, каждый не будет знать, куда он идет – в город или в область. Затем мы идем к весеннему севу, – колхозное движение, семена, заготовки, ремонт с.х. машин и т.д., мы идем к строительному сезону, наконец, мы только что утвердили контрольные цифры, бюджет сейчас делить гораздо легче, чем позже его делить, и мы сошлись на том, чтобы не терять времени, а в ускоренном порядке, как полагается большевикам, соответствующим темпом провести это решение в жизнь... Вначале был проект – назначить оргбюро, а потом мы решили – почему мы должны назначать оргбюро, когда можно (может быть, не совсем это будет по уставу) дать пленумам райкомов выбрать своих представителей по 30–35 человек, созвать их и избрать городской комитет, а городской комитет выберет бюро. Потом через некоторое время мы соберем конференцию полностью, на основе уставной законности. Мы сочли, что гораздо более демократично созвать конференцию и выбрать городской комитет и бюро [Московского горкома]»²⁴.

Уже 23 февраля 1931 г. объединенное заседание II областного съезда советов и пленума Московского Совета приняло решение «О выделении города Москвы как самостоятельной административно-хозяйственной единицы в пределах Московской области»: «1. Выделить в пределах Московской области гор. Москву как самостоятельную административно-хозяйственную единицу с собственным бюджетом и со своим исполкомом. 2. Поручить [Московскому] областному исполнительному комитету совместно с Московским Советом немедленно организовать [Московский] горисполком и в кратчайший срок закончить всю организацию и выделение городского хозяйства и бюджета, одновременно разработать вопрос об улучшении работы городского хозяйства Москвы... Председатель Моссовета и Мособлисполкома К. Уханов; секретарь Моссовета и Мособлисполкома Р. Давидсон»²⁵. Постановление было принято на объединенном заседании по докладу Кагановича, проводившего в исполнение решение сталинского Политбюро: «Сущность предложения фракции большевиков, вытекающего из решений ЦК и МК, состоит в том, что вместо нынешнего единого Областного исполнительного комитета Советов, который руководит и областью, и городом, и городским хозяйством, и сельским хозяйством, и промышленностью области, вместо нынешнего единого бюджета, Москва как столица, выделяется в самостоятельную хозяйственную единицу со своим бюджетом и со своим городским исполнительным комитетом советов». «При этом, – пояснял Каганович, – Москва *остается в составе Московской области* (курсив мой. – С.В.). Бюджет Москвы так же будет входить как составная часть всего областного бюджета. Исполнительный комитет городского совета и Московский Совет будут по-прежнему выделять своих депутатов на областной съезд советов, будет по-прежнему входить в областной исполнительный комитет... Итак, настоящее предложение имеет огромное значение для лучшего обслуживания масс, для продвижения вперед, для выполнения генеральной линии большевистской партии. Проведение в жизнь намеченного выделения Москвы в самостоятельную единицу укрепит наши исполнительные органы»²⁶.

25 февраля газета «Рабочая Москва» опубликовала постановление II областного съезда советов и «Краткое изложение выступления тов. Кагановича на объединенном заседании 2-го областного съезда совместно с Моссоветом от 23 февраля 1931 г.»,

а также собственное разъяснение: «Решение большой политической важности»: «В Москве будет свой исполком Моссовета. По линии партийной бюро Московского обкома принято решение об организации в Москве горкома ВКП(б) и вносит это предложение на пленум МОК. Это реформа не узкоаппаратная, а мероприятие, имеющее глубокий политический и хозяйственный смысл, нацеленное на дальнейшее ускорение темпов социалистического строительства... Выделение Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу находится в неразрывной связи с проведенной по решению XVI съезда партии ликвидацией округов и перенесением центра тяжести административно-хозяйственного руководства в район... Недавно была проведена серьезная реорганизация: разукрупнение районов города, приближение руководства к заводу, к массам». Судя по освещению решения в газете, руководство партии и государства оставило Москву в рамках Московской обл. только для того, чтобы подчеркнуть: выделение «не может означать хоть в какой-нибудь мере ослабления организующего пролетарского влияния Москвы на социалистическое переустройство деревни или ослабление помощи пролетарской общественности Москвы деревенским районам области»²⁷.

25 февраля принятое Политбюро и Бюро МК решение успешно провел на заседании объединенного пленума МК и МКК ВКП(б) Рындин²⁸. Московский обком утвердили в обновленном составе: Каганович (1-й секретарь), Каминский и Носов (секретари), Рындин и Уханов (члены Секретариата), Р.Е. Давидсон (кандидат в члены Секретариата)²⁹. Бюро Московского горкома избрали в составе 15-ти членов и 7-ми кандидатов. Секретариат Московского горкома избрали в следующем составе: Каганович (1-й секретарь), Рындин, Н.Ф. Гикало и Е.С. Коган (2-е секретари). В состав Секретариата горкома ввели и Н.А. Булганина, который выдвигался председателем Моссовета. На заседании после избрания горкома немедленно отметили тот факт, что и в Секретариат обкома, и в Секретариат горкома одновременно входит Рындин, и постановили: «Ввиду избрания т. Рындина вторым секретарем [Московского] горкома, освободить его от обязанностей секретаря [Московского] областного комитета»³⁰. Примечательно, что посты 1-го секретаря обоих органов партийного руководства – Москвы и Московской обл. – совместил Каганович, но этот факт никого из собравшихся не удивил. Из этого следует, что выделение Москвы из Московской обл. в самостоятельную партийную единицу оказалось более условным, чем в административно-хозяйственную. Несмотря на выделение Московской городской партийной организации, управление столицей по партийной линии продолжал непосредственно курировать член Политбюро ЦК ВКП(б) и ближайший соратник Сталина. В тот же день II Московский областной съезд Советов избрал Московский областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, председателем которого, как и 24 сентября 1929 г., стал Уханов³¹. 28 февраля внеочередной пленум Моссовета избрал Исполнительный комитет Моссовета (Исполком Моссовета, Мосгорисполком) и его председателя – Булганина³². Таким образом, были сформированы органы административно-хозяйственного управления Москвой и Московской обл.

Так, рассматривая частный вопрос – об отоплении и освещении в Москве, Сталин 20 февраля 1931 г. провел в Политбюро ЦК ВКП(б) решение о выделении Москвы из Московской обл. Уже к 28 февраля необходимые организационные мероприятия были проведены, однако практическая реализация решения затянулась. Впрочем, это тема для отдельного исследования.

Примечания

¹ См., напр.: *Полетаев В.Е.* На путях к новой Москве: Начало реконструкции столицы (1917–1935). М., 1961; *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976; *Цакунов С.В.* Отношения центр-область в советской административной системе 30-х годов. Пример Московской области // <http://closelook.narod.ru/МО/mol.htm>; *Антонова О.Е.* Документы о создании Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 52–58; из

последних изданий особенно выделяется фундаментальный справочник: *Гарнюк С.Д.* Московская власть: Советские органы управления. М., 2011.

² *Цакунов С.В.* Указ. соч.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1929. № 10. Ст. 116.

⁴ *Цакунов С.В.* Указ. соч.

⁵ *Алещенко Н.М.* Указ. соч. С. 353.

⁶ СУ РСФСР. 1929. № 41. Ст. 437.

⁷ *Алещенко Н.М.* Указ. соч. С. 353.

⁸ Там же. С. 354–355.

⁹ Рабочая Москва. 1931. 25 февраля.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 138, л. 36–37.

¹² *Алещенко Н.М.* Указ. соч. С. 355.

¹³ *Полетаев В.Е.* Указ. соч. С. 41–42.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 2003. С. 407.

¹⁶ *Полетаев В.Е.* Указ. соч. С. 41.

¹⁷ *Алещенко Н.М.* Указ. соч. С. 400–401.

¹⁸ *Цакунов С.В.* Указ. соч.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 158, л. 159–161.

²⁰ Там же, ф. 17, оп. 163, д. 867, л. 82.

²¹ Там же, ф. 81, оп. 3, д. 142, л. 21.

²² Там же, л. 29–30.

²³ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ), ф. 3, оп. 13, д. 4, л. 11–12.

²⁴ Там же, л. 12–13.

²⁵ Рабочая Москва. 1931. 25 февраля.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦАОПИМ, ф. 3, оп. 13, д. 4, л. 17.

²⁹ Там же, л. 3–4.

³⁰ Там же, л. 19–22.

³¹ *Гарнюк С.Д.* Указ. соч. С. 363–364.

³² Там же. С. 415, 419; Рабочая Москва. 1931. 1 марта.